

У Натальи был день рождения. Праздновали они его скромно вечером, поскольку был рабочий день, а в субботу собирались поехать к её родителям, чтобы они тоже поздравили.

Наталья накрыла стол, расставила салатики и фужеры, в центр поставила вазочку с белыми розочками, которые ей принёс старший сын Андрей, зная, что она их любит. Но муж подготовил ещё один подарок – сюрприз, и перед застольем он с мальчиками торжественно вручил ей его, завёрнутый в подарочную пёструю бумагу.

- Ой, спасибо, – заулыбалась Наталья, стала разворачивать подарок.

Мужчины собрались вокруг неё, ожидали.

Наталья развернула: это была картина в нежных розово-коричневых тонах, акварель, женский портрет. Наталья в недоумении рассматривала его.

– Мы решили подарить тебе твой портрет, – радостно сообщил муж.

У Натальи губы растянулись, словно в улыбке:

– Это я? – Спросила она.

Младший сын Илья заглянул сбоку на картину и высказался:

– Вот это мазня!

За что получил чувствительный толчок локтём в бок от Андрея.

Наталья подняла глаза и, увидев выжидающий взгляд мужа, сказала:

– Спасибо. Неужели я так выгляжу?

– Да, она с твоей фотографии рисовала, я ей относил, – Заверил муж.

Женское лицо на картине было

нарисовано как-то снизу, хорошо выделялся подбородок, задранный курносый носик изображался тёмными пятнами ноздрей, глаза вдалеке были выписаны нечётко и кривовато, и всё это обрамлялось невообразимым завихрением волос (взрыв на макаронной фабрике – называли мы такое, – подумалось Наталье).

– Что ж это я так голову задираю? – Поинтересовалась Наталья.

Муж с Андреем понимающе переглянулись, Илья предательски захихикал.

– Да есть немного, – улыбаясь, ответил муж.

– Ладно, – сказала Наталья, отложив портрет, – давайте за стол садиться.

Разговор был продолжен после ужина, когда муж мыл посуду на кухне, Наталья взяла в руки портрет и снова задалась вопросом, почему у неё так задран нос.

– Это хорошая художница, нам её посоветовали, у неё все наши сотрудники перерисовались, теперь уже своих родственников заказывают, – оправдывался муж.

– Вот твои сотрудники пусть у неё и рисуются, а на меня карикатур не надо рисовать.

– Какая ж это карикатура? Очень симпатичная женщина.

– Одни волосы чего стоят, – фыркнула Наталья. – Почему у меня волосы встали дыбом?

– Это не дыбом встали, а разлетаются на ветру.

– И почему они так разлетаются? На какой моей фотографии так волосы разлетаются?

– Ну, это она сама додумала, художница. Могла же она сымпровизировать? Это очень хорошая художница, нам её посоветовала чья-то знакомая с искусствоведческим образованием, она разбирается. Как сказала одна наша сотрудница: эта художница умеет выразить суть человека на бумаге.

– И какая же это суть? Это, что ж, значит, что я ветреная женщина?

– Ну, причём тут ветреная женщина? Это метафора. Может быть, эта картина потом уйму денег стоить будет.

– Вполне возможно, страшные картины обычно стоят уйму денег.

Муж обиделся за страшную картину, не стал дальше возражать.

Наталья оставила картину на столе на кухне, больше не стала возвращаться к этой теме, чтобы не расстраивать мужа. Несколько дней она переставляла портрет с места на место, пыталась привыкнуть к нему, но так и не могла – это была чужая женщина, странно вскинувшая голову (закусила удила, – почему-то пришло в голову Наталье). Картина была не лишена некоторой приятности, если присмотреться, но в целом – что-то непонятное.

Через несколько дней Наталья стала всё больше обращать внимание на белые пятна на лице изображенной – на щеках и подбородке. Должны они были обозначать ямочки, поняла Наталья. И всё сильнее фиксировалась на них – нелепые пятна расплылись по сторонам, как крылья бабочки, и внизу тоже пятно. словно болезнь какая-то на коже.

И чем дольше смотрела Наталья на картину, тем сильнее эти пятна раздражали её. Она не выдержала и решила их закрасить.

Найти, чем их закрасить, оказалось непростой задачей. Красок в доме не имелось, дети уже вышли из возраста, когда их можно было увлечь рисованием. Наталья решила купить как-нибудь акварельные краски с подходящим цветом, нежно-розовым.

А пока ей пришло в голову – использовать её пудру.

Она достала свои пудреницы, стала искать подходящий тон. Он вскоре нашёлся, и хоть это была дорогая французская фирма, Наталья запаслась ватными тампонами и решила пожертвовать пудрой ради искусства.

Но пудра плохо наносилась на бумагу. Наталья потратила много времени, натирая бумагу тампонами с пудрой, но удалось только слегка покрыть белые пятна. Наталья оставила картину в таком виде, несколько дней приглядывалась к ней и поняла, что результат её не удовлетворяет. Без красок не обойтись.

Как-то ночью Наталья зашла на кухню, где стояла картина, не зажгла света, посмотрела на картину и ужаснулась: глаза грозно белели в темноте, словно светились. - Зло смотрит, – подумала Наталья. Конечно, кому понравится, когда его пудрой уродовать будут! И чем дольше она смотрела на картину, тем страшнее ей становилось. Та, на картине, смотрит, словно за гипнотизировать хочет.

Наталья убрала картину на полку, решив, что завтра спрячет её куда-нибудь – с глаз долой. Сколько можно с ней возиться!

Она спрятала картину в книжном шкафу, положив на книги, – хорошо, она помещалась. Наталье даже удалось забыть про злосчастный портрет, но муж как-то поинтересовался его судьбой:

– Ты его выкинула? – Спросил он.

– Нет, это же подарок! Вон лежит в шкафу. Я ищу для него подходящую рамку.

Муж даже слегка обрадовался такому ответу.

Наталье пришлось снять с картины мерку, и стала она ходить по канцелярским товарам, подыскивая рамку. Но прежде она купила акварельные краски, и когда никого не было дома, села на кухне, налила в баночку воды, достала картину из шкафа, взяла кисточку, с лёгкой дрожью в руке намазала розовую краску на кисточку и нанесла краску на щёку изображённой. Представила, как та рванулась в ужасе от кисточки. Но Наталья оставалась непреклонна и закрашивала беловатое, припудренное уже пятно краской. К её радости и удивлению краска ложилась красиво на щёку, очень подходила под цвет лица. Наталья закрасила другую щёку, перешла на подбородок. Старалась не накладывать слишком густо, чтобы пятна оставались немного светлее, обозначая ямочки. Мы тоже кое-что понимаем в живописи! – Думала при этом.

Наталья осталась довольна своей работой. А та, на картине, хоть и бросала злые взгляды, сверкала белками, но сбежать с портрета она не могла, поэтому вынуждена была перетерпеть такое над собой издевательство.

- Шедевр, просто шедевр! – Заключила Наталья, оставила картину сохнуть, ликвидировала следы своей деятельности, краски убрала подальше в ящик, словно они всегда там лежали.

- Надо её как-то назвать,— Подумала. - «Портрет Дуни»? Нет, на Дуню-то она не похожа. «Портрет Грушеньки»? Точно, будет она у меня Грушей! - Наталья считала себя вправе дать картине имя — она ведь сама тоже в какой-то мере являлась её автором, ладно, соавтором.

Доработанная картина нравилась Наталье больше, чем исходная. Но подружиться с ней Наталья по-прежнему не могла. Та, на картине, смотрела зло, чем больше присматривалась к ней Наталья, тем неприятнее становился ей этот взгляд.

Может, белки ей тоже подкрасить, чтобы не так отсвечивали?— Пришло ей в голову. Только каким цветом? Может, голубым? Нет, будет совсем нелепо смотреться. Наталья достала свои краски, рассматривала их и размышляла. Всё же отказалась от этой идеи.

Повесить такую на стену Наталья попросту не могла. И смотрит она зло и вообще — чужую женщину как-то странно на стену вешать. Но и мужу она не могла сказать об этом. Поэтому она просто прятала картину в книжном шкафу. Как-то даже купила, случайно натолкнулась, подходящую рамку — нежно-голубую с отливом в серебряный. Вставила в рамку картину — очень солидно. Показала, конечно, мужу, он обрадовался. Хотел уже вешать её куда-нибудь на стену, Наталья еле его отговорила, сказав, что не нашла ещё для неё достойного места. Снова убрала её в книжный шкаф, надеясь, что муж никогда о ней больше не вспомнит.

Иногда доставала, рассматривала портрет. И удивлялась, что её Грушенька смотрит с портрета каждый раз по-другому. Иногда — просто зло, иногда — надменно, а иногда — даже с усмешкой. Словно у неё настроение каждый раз меняется. И с каждым разом Наталья всё больше убеждалась в этом. Точно, хорошая художница! Может, действительно, портрет её кисти когда-нибудь много денег стоить будет.

Вдруг представила: купил Савва Морозов какую-нибудь картину у Серова. А жене его эта картина не совсем нравилась: что-то не так, слишком много проблесков на кустах, словно их из пулемёта изрешетили. А она сама тоже живописи училась, взяла она свои краски, кисти, палитру, и зарисовала дырки в кустах, пририсовала листики. Красиво получилось — она всё-таки брала уроки живописи у самого Серова. И чьей картиной мы теперь в итоге любимся?

- Надо ещё портреты детей заказать, пока есть возможность,— подумала Наталья.— Если что-то не так нарисует, уж я подправлю.

